

Интервью с Борисом Максимовичем ФИРСОВЫМ

«...О СЕБЕ И СВОЕМ РАЗНОМЫСЛИИ...»

Фирсов Б. М. — закончил Ленинградский электротехнический институт имени В.И.Ульянова (Ленина), получив диплом инженера-электрофизика, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник и почетный ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Основные области исследования: теория и методология социологии, история советской социологии, общественное сознание, процессы массовой коммуникации. Интервью состоялось в 2004 году.

С одной стороны, беседа с Борисом Максимовичем Фирсовым — это фрагмент нашего многолетнего разговора обо всем, с другой, — начало всей серии интервью по электронной почте с российскими социологами. Почти двадцать лет мы работали вместе, и мне всегда это было интересно. Мы встречались утром, зная, что предстоит сделать в течение дня, нередко работали вместе много часов, надолго задерживались на работе, продолжали наши дискуссии по дороге на метро и уже из дома обменивались телефонными звонками, чтобы уточнить детали грядущего дня. Фирсов всегда был моим руководителем. Когда мы познакомились, мне было немногим более тридцати лет, и по опыту жизни я во всем ему уступал. Но никогда он не давал мне повода, даже легкого намека воспринимать себя как подчиненного, а его — как начальника. Мой отъезд в Америку в 1994 году лишь увеличил физическое расстояние между нами и сделал еще более приятными и памятными каждую из наших встреч. Их было уже несколько в России и пока одна — в Америке.

Фирсов Б. М.: «...О себе и своем разномыслии...»¹

До вступления на социологическую тропу: 1929–1962

БМ, даже притом, что биографии ряда советских социологов первого поколения включают в себя период освобожденной комсомольской и партийной работы, твой путь в социологию уникален. Ты получил техническое образование, и затем весьма успешно складывалась твоя партийная и административная деятельность. Не мог бы ты обозначить основные вехи этого движения, выделяя те обстоятельства, которые потом привели тебя в социологию?

Я вышел из блокадного и военного времени с громадным запасом жизненного оптимизма и желанием стать полезным обществу человеком. Учился в школе на одни пятерки. Правда, за коллективные и индивидуальные художества мне в старших классах дважды снижали оценки по поведению и один раз исключали из школы, но на очень короткий срок. Наверное, во мне был ресурс коммуникабельности, неизбывной потребности что-то делать для других и уверенности в себе. Дружба была превыше всего, и я с энтузиазмом руководил похищением классного журнала и погружением его в вечность глубин реки Карповки в присутствии всего класса.

Я окончил Ленинградский электротехнический институт имени В.И. Ульянова (Ленина), один из самых престижных вузов города, в феврале 1954 г., получив диплом инженера-электрофизика с отличием. Уже на третьем курсе я был избран секретарем институтского комитета ВЛКСМ и с головой ушел в общественную работу. Лекции «мотал», пользуясь правом свободного посещения занятий, но лабораторные, курсовые работы и экзамены сдавал в срок, не разрешая себе никаких поблажек. Иначе бы я утратил моральное право призывать студентов-комсомольцев быть примером в овладении знаниями. Служение ЛЭТИ было нравственным императивом институтской профессуры и через нее – ядра студенческой массы, состоявшей из двух частей. Одна из этих частей – фронтовики, хорошо знавшие цену жизни, право на которую они отстаивали на фронтах войны. Их целеустремленность заражала. Вторая часть – вчерашние школьники, но с опытом переживания тягот военных лет, представители первого в советской истории не поротого поколения, с пробудившимся интересом к культуре, литературе, театру, спорту, джазу. Им, правильнее сказать в первом лице – нам, мне, еще предстояло пережить шок от ужасов сталинского прошлого. Не ведая, когда наступит прозрение, мы радостно глотали жизнь, оберегаемые родительской любовью и мудростью.

На моих глазах ЛЭТИ стал «эстрадно-музыкально-спортивным вузом с небольшим электротехническим уклоном». Так, с оттенком «белой зависти» называли его студенты других высших учебных заведений города. Комитет ВЛКСМ вуза, надежно прикрытый парткомом, состоявшим из трех поколений фронтовиков (преподаватели, аспиранты, студенты), находился у истоков этого принципиального изменения – создания дружественной культурной среды. Эхо «Весны в ЛЭТИ», самодеятельного студенческого спектакля-обозрения и сейчас, 50 лет спустя, греет души многих выпускников института, как и слава институтской баскетбольной команды тех лет, чемпиона СССР. Чтобы сделать понятной причинно-следственную связь между комсомольской работой и этими достижениями, скажу на современном языке, что комитет ВЛКСМ был деятельным спонсором и инициатором многочисленных начинаний. Поддерживать и воплощать их в жизнь было интересно.

В итоге, вместо того, чтобы принять предложение кафедры – поступить

¹ Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 2–12.

в аспирантуру ЛЭТИ и заниматься электронной оптикой, я стал общественным деятелем, последовательно избираясь на должности секретаря райкома комсомола (1953–1956 гг.), секретаря обкома ВЛКСМ (1956–1959 гг.), а затем и первого секретаря Дзержинского РК КПСС Ленинграда (1959–1962 гг.). Эта эволюция требует объяснения. Я бы хотел только обезопасить себя от подозрений в карьеризме.

Существовал и существует некий альтруистический мотив принесения части самого себя на алтарь неэгоистических целей. В пору создания Европейского университета в Санкт-Петербурге (1994 г.) мне довелось защищать этот проект перед советологической профессурой Стенфордского университета. От успешности защиты зависело, согласится или не согласится «Stanford Community» взять проект и его организаторов под свое поручительство перед американскими благотворительными фондами. Защита прошла успешно, доказательством чему был прием ректором (provost) университета Кондолизой Райс и главным фандрайзером – лицом ответственным за поиск денежных средств (грантов) на поддержку деятельности университета. На этой встрече были произнесены слова, которые кажутся заслуживающими упоминания: «Никогда не стесняйтесь обращаться за поддержкой идеи, в которую вы верите. Если она действительно хороша, то спонсор будет всю жизнь жалеть, что не поддержал полезное дело».

У меня никогда не было денег для поддержки разных инициатив, но идеи, высказанные другими людьми, часто не оставляли меня равнодушным. Говорить об этом во всеуслышание я стеснялся, пиар в свою пользу в советские времена не процветал. Но, все же, занимая различные посты, я старался делать акцент на поддержке и помощи, что, в конечном счете, влияло на деbüroкратизацию рутинной деятельности. Ленинградский обком ВЛКСМ, в период моей работы там, помог выявить большое количество талантливой творческой молодежи. Слава балетных звезд и звезд эстрады пришла к А. Осипенко, И. Колпаковой, В. Семенову, Э. Пъехе, А. Броневицкому после того, как они стали лауреатами художественных конкурсов Московского фестиваля молодежи и студентов (1958 г.). Выпестованный при активной поддержке обкома ВЛКСМ Эстрадно-танцевальный ансамбль молодежи Петроградской стороны успешно выступил в концертных программах фестиваля. На волне фестивального успеха многие молодые авторы и исполнители смогли быстро закрепиться в сфере профессионального искусства. Один из номеров программы ансамбля назывался «Дождик» Под музыку А. Колкера и песню К. Рыжова двенадцать красивых молодых девушек исполняли танец с зонтиками. Дирижеру А. Бадхену пришла в голову игривая мысль – танцевать в купальниках. Свидетельствую, что более целомудренного танца я не видел. Потому без тени сомнения номер был включен в первый показ программы ансамбля в Актовом зале МГУ. Зал аплодировал с восхищением. Однако, «начальство», секретарь ЦК ВЛКСМ З. Туманова осудила легкомысленный номер и повелела «одеть девочек» для будущих выступлений. Я получил от нее устный реприманд за то, что, будучи секретарем обкома ВЛКСМ, «протащил» опереточное действо в святая святых для всей страны – Актовый зал МГУ и к тому же не отговорил мою жену от выхода на сцену в пляжном костюме.

Оставалась ли в то время у тебя возможность вернуться в ЛЭТИ и начать работу по полученной специальности?

К 1959 г. многие мои «однокашники» из ЛЭТИ, став аспирантами, начали защищать кандидатские диссертации, делать открытия, изобретать, писать книги и учебные пособия. Не могу сказать, чтобы я им завидовал, но все же я почувствовал, что выветриваются мои технические и математические знания, полученные в ЛЭТИ, что я теряю профессию. У меня возник план – пойти к партийному начальству и попросить отпустить меня, уже тридцатилетнего, с миром в аспирантуру ЛЭТИ. Вместо

этого я оказался в зале партийной конференции Дзержинской районной партийной организации, куда меня привезли «сватать» на должность первого секретаря райкома партии. Вопросов мне не задавали, я был оставлен в списках для голосования, раз ЦК КПСС велел выдвигать молодых, но 81 делегат (из 300) проголосовал «против». Не будь тогдашнего «страховочного» правила (оставлять в бюллетене ровно столько кандидатов, сколько следовало избрать в партийный орган), мое поражение на выборах было бы неминуемым. Одеваясь вечером после закрытия конференции, я услышал в темноте раздевалки разговор бывалых партийцев. Один спросил другого, кого избрали «партийным вождем района», и получил недвусмысленный ответ: «Да этого сопляка из обкома комсомола!». Что оставалось делать? Завоевывать у людей авторитет.

Уже через год, на очередной отчетно-выборной конференции я получил один голос «против». Отношения наладились быстро на основе свода мною же установленных правил, регламентировавших мою деятельность. Я старался помнить обо всех обещаниях, не забывая ни одну из адресованных мне официальных и неофициальных просьб. Один раз в неделю принимал всякого, кто хотел со мной встретиться, и вел жесткий учет всех адресованных мне обращений. Проводить прием было тяжело — записывалось 40—50 человек. Самый больной вопрос — жилье. Власть у меня была большая. Во многих случаях моей письменной резолюции, адресованной председателю исполкома райсовета, было достаточно для предоставления жилья, ускорения очереди, выделения площади «до подхода очереди». Я внимательно изучал мотивы обращений и реальные обстоятельства жизни людей. В спорных или сомнительных случаях, ехал к заявителю домой и, если требовалось, объяснял заявителю и членам его семьи, почему нельзя в их случае нарушить очередь, просил терпеливо ждать, когда она подойдет. Я и по сей день живу в трехкомнатной стандартной квартире, которую, мои родители получили в 1935 году. Но первый секретарь райкома КПСС, не улучшивший своих жилищных условий, не получивший квартиру в новом доме, был тогда редкостью. Оказалось, что партийный актив, жители района, обращавшиеся за помощью, обо всем этом знали. Поэтому я был для них своеобразной моральной инстанцией.

Еще одно обстоятельство, которое помогло мне завоевать авторитет в глазах людей, заключалось в том, что я изначально стремился больше узнавать, чем советовать, распоряжаться, «руководить». А.Н. Изергина, научный сотрудник Эрмитажа и супруга академика И.А. Орбели, основательно просветила меня с женой по части художников-импрессионистов и выставки произведений Пикассо; сотрудники Русского музея провели со мной не один час в запасниках, где лежали тогда закрытые от всех коллекции русского авангарда; театровед и парторг Театрального института А.Юфит, ставший вскоре одним из моих близких друзей, помог прочесть уникальное собрание книг о жизни и творчестве Мейерхольда. Партнерские и доверительные отношения, а не трансляция директив, составляли ядро моей руководящей, если так можно выразиться, деятельности. Я стремился к тому, чтобы райком партии был местом, где умеют слушать и слышат.

Все двигалось успешно, почему ты ушел от, тогда это называлось, «освобожденной партийной работы»?

Конец «освобожденной партийной работе» наступил совершенно неожиданно, в мае 1962 г. Хотя мое смещение с поста первого секретаря райкома партии, высокой номенклатурной должности было предreshено за год до фактического дня «перехода на другую работу», о чем я узнал гораздо позже. Вот как это было. Весной 1961 г. всех первых секретарей РК КПСС Ленинграда на один день командировали в ЦК партии. Нам объявили, что отныне мы включены в так называемую учетно-контрольную номенклатуру ЦК КПСС и с каждым из нас персонально хотят познакомиться работники ряда отделов ЦК. Знакомство это было скорее формальным, и все мои

коллеги, вызванные в Москву, довольно быстро освободились.

Меня попросили задержаться и сказали, что со мной будут беседовать отдельно и более обстоятельно, чем с другими. Я вышел покурить и в это время ко мне подошел знакомый мне, ответственный работник ЦК КПСС, который еще год тому назад был первым секретарем одного из райкомов партии Ленинграда. Он отвел меня в сторону и сказал примерно следующее: «Тебя оставили для бесед неслучайно. Ты молод, энергичен, тебя уважают в районе и городе, можешь быстро продвигаться. Тебя будут «смотреть» несколько человек. Если пройдешь «смотрины» успешно, то тебе предложат должность инспектора ЦК КПСС, зачислят в особый кадровый резерв ЦК КПСС, а затем, какое-то время спустя, будут рекомендовать для избрания секретарем Новосибирского обкома партии по пропаганде. Разумеется, что это только план, детали которого тебе не скажут. Сегодня тебя будут спрашивать об отношении к работе в аппарате ЦК КПСС. Так что взвесь все, прежде чем начнутся «смотрины». Он ушел.

Далее все пошло по предложенному им сценарию, кроме моей реакции. У меня было три беседы прежде, чем меня представили Чураеву, члену бюро ЦК КПСС по РСФСР. Моим собеседникам, включая Чураева, я мягко говорил о несогласии работать в партийном аппарате, в Москве, объясняя это и семейными обстоятельствами, и желанием вернуться на работу по специальности, а также определенной «нелюбовью» к аппаратной работе как деятельности важной, даже почетной, но несамостоятельной. В сжатой форме я сказал Чураеву: «Партия много теряет оттого, что не дает возможности партийным кадрам периодически возвращаться к основам своей базовой профессии. Конечно, работа в партийном аппарате нужна, но заниматься ею «вечно» не следует. В общем случае профессиональная и освобожденная партийная работа должны чередоваться». Мой высокий собеседник, предложив мне чай с сушками (это считалось знаком особого расположения к человеку, приглашенному на беседу в ЦК), не мешал мне высказываться и ни разу не возразил. Более того, он сказал, что понимает мое стремление вернуться в мир электронной оптики, написать диссертацию с тем, чтобы в этом новом качестве оказаться полезным для партии. Мы миролюбиво распрощались.

По приезде в Ленинград меня вызвали в обком партии. Первый секретарь обкома И. Спиридонов с некоторым раздражением сказал, что я подвел обком, отказавшись от чести работать в аппарате ЦК КПСС. Видимо, ЦК будет настаивать на том, чтобы «мягко», не называя истинной причины, перевести меня на другую работу. Через день Спиридонов сказал по телефону, что дело улажено, и я могу продолжить выполнение возложенных на меня обязанностей. События последующих месяцев заставили думать, что меня «простили». Я был избран делегатом XXII съезда партии. После съезда многократно, не менее 30 раз выступал с докладами об этом событии на партийных собраниях, разъясняя новую Программу КПСС и причины перезахоронения тела Сталина у Кремлевской стены.

На самом деле Обком с трудом уговорил Чураева не настаивать на немедленном освобождении меня от работы («никто нас не поймет, он хорошо работает и люди его уважают»). Чураев со скрипом отвел ровно один год на то, чтобы меня «убрать» с партийной работы. Весной 1962 г. система исполнения указания пришла в действие. В течение месяца мне была предложена сначала должность директора театра оперы и балета имени С.М. Кирова. Моему удивлению не было предела. Затем сделали намек на то, что в связи с реорганизацией органов милиции и внутренних дел города и области меня проектируют на должность заместителя начальника УВД. Наконец, последовал вызов в обком КПСС и новый первый секретарь В. Толстиков объявил о намерении рекомендовать меня для поступления в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Из коротких комментариев следовало, что обкому сделан «втык» за рекомендацию «мудаков» для учебы в этой Академии, тогда как партия сейчас особо нуждается в умных и перспективных кадрах. Он добавил, что после учебы в Москве

я с большой вероятностью буду выдвинут на должность секретаря обкома КПСС по агитации и пропаганде. Толстикова я сказал примерно следующее: «Я не хочу, будучи инженером, заниматься в АОН при ЦК КПСС, и заранее говорю, что сознательно “завалю” все вступительные экзамены и тем скомпрометирую обком. Разрешите мне переход в аспирантуру ЛЭТИ». Мы расстались, ни о чем не договорившись.

19 мая 1962 г. по звонку я был вызван на бюро Обкома КПСС. Вошел в зал заседаний и еще в дверях, не успев присесть, услышал слова: «Есть мнение рекомендовать Б.М. Фирсова на должность директора Ленинградской студии телевидения». Решение было принято единогласно. Это было ровно год спустя после чаепития с Чураевым.

Телевидение – живое дело: 1962–1966

Думаю, мало, кто из действующих сейчас социологов был участником съездов КПСС и занимал столь высокие как ты посты в партийной иерархии. Не мог бы ты сейчас припомнить свое мироощущение?

На мое мироощущение в ту пору повлияли и смерть Сталина, и доклад Хрущева на XX съезде КПСС. Мой друг, петербургский математик А.Вершик заметил как-то, что одни люди смогли зафиксировать разрыв с системой уже в 1956 году. Он назвал их “пятидесятниками”, которые свели свои отношения с властью до минимума или стали уходить в оппозицию. Выбор других состоял в решении исправлять ошибки партии “изнутри”. Это – “шестидесятники”. Прозрение этой части советской интеллигенции наступит позднее. Многим из этой второй и довольно многочисленной группы, куда я заново себя, придется пережить серию «встрясок» от венгерских событий 1956 года, от пражской весны 1968 года, от афганской войны, начавшейся в 1980 году, прежде чем они изменят знак своего отношения к советскому общественному строю с «плюса» на «минус».

Исторически так сложилось, что именно “шестидесятники” составили ядро тех профессиональных когорт, которые пришли на телевидение в пору его бурного развития, начавшегося в конце 50-х – начале 60-х годов. Они находились в многосложных отношениях с внешней средой, где уже начинали прорастать корни инакомыслия, диссидентство, политический радикализм и либеральные взгляды. Внутреннее сочувствие к этим явлениям было налицо, притом, что сохранялась вера в возможность перемен к лучшему. Социальный конструктивизм и творческий активизм преобладали в их настроениях и поступках. Начало и середина 60-х годов для тех, кто занимался теорией и практикой телевидения, было временем, когда сохранялся энтузиазм и поддерживалась вера в фантастическое будущее телевизионной музыки. Надежды на это основательно подогревали развитие советского телевидения – рост числа его каналов (программ), создание общесоюзной телевизионной сети, охватывавшей всю территорию СССР, строительство крупнейшего в Европе телецентра Останкино, открытие которого намечалось на ноябрь 1967 г.

Скажу без обиняков – работать на телевидении было захватывающе интересно. Ядро профессионалов, работавших на ленинградском ТВ, моих новых коллег, видело свою миссию в интенсивном культурном просвещении телевизионной аудитории на основе высоких художественных стандартов. Сеять разумное, доброе, вечное, творить и выдумывать было девизом людей, работавших на студии в то время и опиравшихся на поддержку самых широких слоев интеллигенции города.

В итоге наиболее известные поэты (Б. Окуджава, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, В. Солоухин, Б. Ахмадулина, В. Соснора, Г. Горбовский и др.), критически настроенные молодые писатели (И. Ефимов, В. Марамзин, А. Битов, Я. Гордин, С. Довлатов, писатели-представители старших возрастных когорт – Ю. Герман, Д. Гранин, А. Володин и др.) были авторами, героями и участниками большого числа

телевизионных передач. Самые громкие имена тогдашней театральной сцены — Г. Товстоногов, Н. Акимов, Ю. Толубеев, Е. Копелян, И. Смоктуновский и др. вступили в культурный диалог с телезрителями.

Предметом особых забот Ленинградского телевидения была великая русская и зарубежная литература. Ее гуманизм импонировал ленинградской аудитории, как и намерение не избегать сложностей жизни, идти от реализма и действительной сложности конфликтов и проблем, с которыми сталкиваются герои этих произведений. Покажу это на двух примерах. Один из них — передачи о Петербурге Достоевского. Их новаторство было в том, что до хрущевской оттепели имя Достоевского подвергалось остракизму, оно лишь вскользь упоминалось в школьных учебниках литературы, творчество писателя-классика изучали небольшие группы будущих литературоведов. Утверждаю, что телевидение помогло вернуть писателя в прижизненную коллективную память не только ленинградской, но и советской аудитории.

Еще одно яркое событие — телевизионная экранизация книги Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей». Тогдашние представления об Америке были сформированы под влиянием ряда произведений официальной литературы. Я хорошо помню знаковую послевоенную пьесу «Русский вопрос» писателя Константина Симонова, которого называли «советским писателем на экспорт». Занимая высокое положение в партийно-литературной иерархии, Симонов написал конъюнктурную вещь, которая не могла дать глубокого представления об американском народе. Герои пьесы (американцы) вели односторонние дискуссии со своими русскими оппонентами. Это были не люди, а политизированные схемы. В отличие от Симонова, Стейнбек показал своих литературных героев во всей сложности их повседневных забот и переживаний, отказался от всякого рода ценностных подушек и подпорок, показав своих соотечественников такими, какими они были в реальности. Для ленинградцев это было открытием тогдашней Америки, вызвало их громадный интерес, но одновременно, в очередной раз «напрягло» цензуру.

Мы еще не были знакомы, когда я слышал о телевизионной передаче, в которой говорилось о переименовании улиц Ленинграда. Позже слышал о ней от ветеранов ленинградского телевидения. В чем там было дело?

Передача «Литературный вторник» 4 января 1966 г. — апофеоз отношения студии с цензурой и стоявшим за нею обкомом партии, Она была посвящена социальному бытованию русского языка: проблемам топонимики, государственной политики, связанной с непрерывным переименованием городов и населенных пунктов, когда взамен исторически сложившихся названий городам присваивались имена деятелей советского государства, а затем эти новые названия отнимались, если деятель попадал под машину политических репрессий. Масла в огонь подлил академик Д. Лихачев. Он выступил в защиту культурной и языковой традиции Петербурга, в котором власти под влиянием скороспелых революционных мотивов изменили практически всю систему названий улиц и проспектов. Так, Галерная улица, расположенная в районе, где строились корабли в Петровскую эпоху, стала Красной. Но Красных улиц в стране тогда насчитывались если не тысячи, то сотни, а Галерная улица была уникальной на всем пространстве Советского Союза. Все высказывания сводились к тому, что давление идеологии обедняет язык, стандартизует устную и письменную речь, мешает культурной идентификации жителей городов и страны в целом. Социолингвистическая дискуссия взвинтила партийные власти.

В документе (от 18 февраля 1966 г.), озаглавленном «Записка отдела пропаганды и агитации, культуры, науки и учебных заведений ЦК КПСС в связи с телепередачей Ленинградского телевидения «Литературный вторник» было сказано: «Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, обсудив передачу

«Литературный Вторник», освободил от работы директора Ленинградской студии телевидения т. Фирсова, главного редактора литературно-драматических программ т. Никитина, принял меры по укреплению дисциплины и повышению ответственности работников студии. Ленинградскому комитету по радиовещанию и телевидению поручено подготовить передачу, отражающую марксистско-ленинские взгляды на развитие русского языка и русской литературы» [1].

От этой «разборки» более всего пострадала телевизионная аудитория. Она с восторгом смотрела открытую дискуссию в эфире, понимая, что передача идет «в живую», а ее участники произносят собственные слова. Значит, на телевидении могут быть случаи неконтролируемого цензурой выхода в эфир. Все это имело место в начале 1966 года, когда оставалось немногим более двух лет до Пражской весны и до установления почти абсолютной власти цензуры в советских средствах массовой коммуникации.

Одним из ведущих «вторника» был Борис Вахтин, ленинградский прозаик, переводчик, китаист. Судьбе было угодно спаять узами крепчайшей дружбы нас двоих, дотоле незнакомых людей. Я и по сей день живу под знаком необыкновенной вахтинской личности, не в силах примириться с внезапной смертью Бориса в 1981 г. Быть свободным всегда! Этому я с опозданием научился у него.

Первые шаги по социологической тропе: 1966–1969

В этой ситуации, почему ты не вернулся в ЛЭТИ или не вспомнил про АОН при ЦК КПСС, где ты мог без особого труда подготовить диссертацию, скажем, о партийном руководстве телевидением?

Заниматься в Академии да еще писать нечто о партийном руководстве телевидением (в духе этой Академии) было бы для меня самоубийством. Такое в мою голову придти не могло, как говорят, по определению. Конечно, же я мог вернуться в ЛЭТИ с тем, чтобы стать преподавателем ВУЗа. Но это требовалось не менее пяти лет – два года на то, чтобы преодолеть отставание в уровне профессиональных знаний и три года на подготовку диссертации, включая проведение технического эксперимента. Идти на это в возрасте 37 лет было сложно. К тому же во мне сидел вирус телевидения. Ведь я чувствовал необходимость его основательной перестройки в том, что касалось организации телевизионного дела в стране, управления телевидением, развития многопрограммности (многоканальности) телевидения. Как директор студии я принимал непосредственное участие в подготовке и открытии второй (местной) программы, отдал много сил разработке концепции и созданию третьей (учебной) программы Ленинградского телевидения, что было тогда большим новшеством [2] и нашло поддержку руководителей города. В середине 1965 года Ленинградскую студию телевидения посетила представительная делегация лейбористской партии Великобритании, которую наша учебная программа крайне заинтересовала. Один из моих гостей сказал тогда, что он видит в таком типе и форме телевидения мощное средство просвещения английского рабочего класса. Я не придал его словам особого значения, но сказал, что общественный успех нашего учебного канала определен близостью его содержания профессиональным интересам целевой аудитории – инженеров и научных сотрудников предприятий и НИИ Ленинградского Совнархоза, студентов технических вузов города. Через год, после прихода к власти лейбористов, в Англии появился «виртуальный» и общедоступный образовательный институт, вошедший в историю под названием «Открытого университета» (Open University).

Многое решили мои отношения с Владимиром Ядовым, предложившим конкурентную идею – поступить в очную аспирантуру философского факультета ЛГУ, и защитить социологическую кандидатскую диссертацию, в основе которой лежало бы

эмпирическое исследование ленинградской телеаудитории. Руководители Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР не без сожаления освободили меня от должности директора ЛСТ, уступив настояниям обкома КПСС, и потому они приняли участие в моей судьбе. Было заключено негласное соглашение о том, чтобы после защиты диссертации найти способ и создать условия для моей работы «на телевидение». С этой целью Председатель Комитета Н. Месяцев попросил Министерство высшего образования найти возможность для моей стажировки в Англии.

Так я уже в сентябре 1967 г. оказался в Лондоне, в качестве стажера факультета социальной психологии Лондонской школы экономики (LSE), одновременно «прикомандированного» к Службе исследований аудитории Би-Би-Си. Последняя была создана для изучения радиослушателей (начиная с 1935 г.) и телезрителей (начиная с середины 50-х гг.). Обе «принимающие стороны» сделали все для моей успешной деятельности: профессор Хильде Химмельвейт [3] помогла мне освоить основы методов анализа аудитории. Х.Грин, тогдашний Генеральный директор Би-Би-Си и сотрудники Службы исследований аудитории создали прекрасные условия для освоения опыта проведения опросов радиослушателей и телезрителей, а также практики использования результатов исследований в управлении радиотелевизионным вещанием страны.

Однако научно-практические занятия и сбор материалов для диссертации были прерваны. Имея разрешение на продление командировки до весны 1968 г., я получил в декабре 1967 г. официальное письмо Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР с предложением занять должность Генерального директора Советского телевидения – новой структуры, которая создавалась в связи с завершением строительства телецентра в Останкино. Моим добрым гидом-советчиком в период стажировки был Владимир Дунаев, специальный корреспондент нашего радио и телевидения в Лондоне. Мы быстро сошлись и взяли за привычку примерять английский опыт к нашим, советским условиям. Предложение Комитета, скажу об этом особо, было для меня неожиданным. Лавры Генерального директора мне никогда не снились, но продолжал гореть огонь социальных надежд на перемены к лучшему в обществе. Огонь этот, хотя и согревал душу, но, признаюсь, мешал видеть и чувствовать то, как в реальности складывается и в какую сторону развивается действительность. Не я один, а мы вместе с Дунаевым, два идеалиста, приняли решение: «Теперь, когда стало более или менее ясно, «как надо», не использовать шанс и не попытаться сделать «как надо», было бы ошибкой». Я заказал авиационный билет до Москвы на 14 декабря 1967 г.

Триумфатором я не стал. Первые два дня после прилета прошли в странном ожидании необходимого для моего случая разговора. Радиотелевизионный Комитет молчал. В свою очередь, и я решил не напоминать о себе. Ведь я известил о своем согласии принять предложенный мне пост и дате прилета из Лондона. В конце второго дня после прибытия в Москву мне позвонил по телефону в гостиницу заведующий сектором отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС В. Московский и пригласил на встречу. Испытывая некоторое чувство смущения, я это сразу почувствовал, он сказал, что обстоятельства вынуждают применить «обходную тактику» для занятия предложенного кресла. Обком КПСС, в лице первого секретаря обкома В. Толстикова, возражает против моего нового назначения, хотя бы уже потому, что обком настаивал на моем освобождении от работы на студии телевидения.

Я, со слов Московского, крайне нужный для дела человек. Потому «товарищи советуют» мне занять «промежуточную должность», но предварительно встать на партийный учет в Москве, в Комитете по радиовещанию и телевидению. В этом случае, я безболезненно, как колобок, уйду от «ленинградской бабушки» и прикачу, целый и

невредимый к «московским дедушкам» в лице Секретариата и Политбюро ЦК КПСС. Говорили не долго. Я ограничился выражением удивления перед бессилием принципа демократического централизма и сказал, что ни понять ситуацию, ни согласиться с обходными маневрами я не могу. Последовал вопрос: «Надо ли понимать так, что вы хотите въезжать на Советское телевидение на белом коне?» Я ответил утвердительно. Поздно вечером того же дня я уехал в Ленинград проводить эмпирическое исследование ленинградской телеаудитории, благо я теперь знал, как это надо делать, и дописывать диссертацию. Срок занятий в аспирантуре истек в феврале 1969 г.

Мой доклад о работе Би-Би-Си на коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению в Москве весной 1968 г. занял несколько часов. Он был посвящен высоким профессиональным стандартам всех видов управленческой и творческой деятельности Би-Би-Си [4]. Тогда это было разномыслием!

Коммуникационные исследования: 1969-1984

В 1979 году ты защитил докторскую диссертацию по коммуникационным проблемам. Каковы были главные выводы твоих многолетних наблюдений и почему после защиты ты полностью отошел от этой темы?

Напомню, прежде всего, о кандидатской диссертации. Ее защита состоялась досрочно. За это ректор ЛГУ профессор К. Кондратьев наградил меня премией в размере месячной аспирантской стипендии. С вычетами это составило 83 рубля 47 копеек. Не только для меня, мамы и жены, на плечи которых легли многочисленные заботы о прокорме аспиранта-переростка, но и для большого числа моих друзей, телевизионщиков-сослуживцев, успешная защита символизировала победу над обстоятельствами, ответ на вызов судьбы [5]. Я решил заниматься исследованиями процессов массовой коммуникации в стране и за рубежом. Речь шла о научных основах функционирования всей системы советской прессы, телевидения, в особенности, чье влияние на все стороны жизни населения становилось особенно ощутимым.

Вопрос с работой решился в считанные дни. Тогда под крылом академика А. Румянцева, директора ИКСИ АН СССР собирались энтузиасты исследований советского общества. В конце февраля 1969 г. я стал старшим научным сотрудником, а вскоре и заведующим сектором социальных проблем телевидения этого академического института. К этому времени за моими плечами был трехлетний опыт менеджера, как сказали бы теперь, крупной телевизионной компании. Я знал в деталях принципы программной политики советского и некоммерческого западного телевидения (Би-Би-Си, Образовательные каналы США и др.). Под руководством В. Ядова, Х. Химмельвейт я хорошо освоил «кухню» изучения аудитории телевидения на основе современных социологических и социально-психологических методов. Наконец, у меня была идея, которую я намеревался внедрить в сознание общества и в практику.

Суть идеи — “человекоцентризм”, ориентация любого канала массовой коммуникации на наиболее актуальные интересы людей, а не на прагматические сиюминутные цели политики и идеологии. Развивая эту идею, я исходил из некоторого социологизированного представления о телезрителе (радиослушателе, читателе газет), которому должно служить человекоцентричное ТВ. Я видел, этого зрителя (1) умеющим сопротивляться любым попыткам манипулировать его мнением; (2) обладающим особым чутьем на правду, которую не сможет заглушить даже самая изощренная телевизионная риторика; (3) способным отличать культурные суррогаты от подлинных произведений искусства; (4) понимающим и тонко чувствующим специфику и природу телевидения. Согласно этой идее, на смену неразборчивой телемании должны были прийти отношения, базирующиеся на равноправии сторон, диалоге, партнерстве, на осознании роли телевидения в жизнедеятельности советских людей и места

советского человека в деятельности самого ТВ. Здесь многое происходило от «романтических мечтаний», не будь их, я не рискнул бы бросаться в останкинский телевизионный омут зимой 1967 г.

Останкинская история стала знаковой в моей судьбе. Дело в том, что махина нового, Останкинского ТВ вместе с большим числом подключенных к нему республиканских и городских телевизионных центров уже к 1970 году забуксовала в предчувствии брежневской стагнации. Экранный маховик начал вращаться на холостом ходу, подбрасывая ежедневно миллионам своих потребителей образцы браваурного славословия и примитивную мозаику отредактированной, «свернутой» реальности. Приукрашивание действительности было, что называется, в крови телевизионной журналистики. Этим основательно подрывалась вера в правдивость экранных сообщений. Образцово-показательные ситуации и поступки становились на экране средством создания искусственной картины всеобщего благополучия. Все это оборачивалось бегством от правды советской жизни и, как следствие, оказывалось способом гашения, торможения социальной активности.

Этому телевидению зритель, а тем более такой, каким я грезил, вообще оказался не нужен. Во главе советского телевидения и радио встал идеологический чиновник-самодур С. Лапин, человек властный, беспощадный в преследовании не только инако-, но и разно- с ним мыслящих. Он одержимо обличал всех, кто работал вместе с его предшественником – Н. Месяцевым, которого он сменил на посту руководителя общесоюзного ведомства по радиовещанию и телевидению. Я был «человеком Месяцева» в бытность директором Ленинградской студии телевидения и потому, по логике Лапина, не заслуживал никакого доверия. Лапин несколько раз с высоких московских трибун заглазно обвинял меня в некритическом отношении к опыту Би-Би-Си, ставшей «заклятым противником» нашей страны вследствие «антисоветских» радиопередач русской службы.

Сюжетов на тему «Фирсов – агент Би-Би-Си» Лапину было явно мало и он переключился еще на одну тему. В комсомольские годы я подружился с Иржи Пеликаном, Президентом Международного союза студентов. Мой приход на ленинградское телевидение совпал по времени с назначением И. Пеликана на пост директора Чехословацкого телевидения. Мы сделали многое для развития отношений сотрудничества и поддерживали личные отношения вплоть до момента, когда Пеликан, один из лидеров «Пражской весны» был вынужден сначала уйти в подполье, а затем покинуть Чехословакию. Пеликан нашел способ выразить мне дружеское сочувствие при изгнании из телевизионного рая. В 1966–67 гг. я встречался с ним в Москве и имел честь и удовольствие принимать его у себя дома. Он знал мою семью и любил жареную баранью ногу, которую искусно готовила мама. Лапин предпочитал не двусмысленно намекать на то, что друзья-приятели Пеликан и Фирсов могли свить гнездо антисоциалистической оппозиции в нашей стране. Чем черт не шутит?

Стало ясно, что идею человекоцентризма советского телевидения надо откладывать до новых времен, не зная, когда они наступят. Однако терять приобретенную нелегким трудом научную форму, утрачивать позиции одного из лидеров исследований в сфере массовой коммуникации, «работать в стол» не хотелось. В итоге я переключился на изучение путей развития массовой коммуникации в мире и с этой целью возбудил ходатайство о предоставлении стипендии ЮНЕСКО. Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО, рабочий орган МИД СССР, проявила неординарный интерес к моей заявке. Стипендия была предоставлена. Осень и начало зимы 1972 г. я работал в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, изучая богатейшие и мало известные в нашей стране сведения о росте электронных СМК в условиях развитых и развивающихся стран и особенностях их коммуникационной (информационной) политики. Различия в языках, на которых об этом говорил мир и Советский Союз, были

драматическими. В первом случае имелись в виду социокультурные и технические условия для планомерного и растущего по своим масштабам распространения информации, культуры и образования, во втором случае – мировой конфликт идеологий и способы защиты советского населения от буржуазного влияния. Учить тогда мировому опыту советские партийно-государственные инстанции было делом бесполезным. Становилось понятным, что и здесь социологическая тропа, как ни петляй, выведет лишь к светлому зданию социализма с человеческим лицом, где ничего не надо менять, настолько совершенны советское телевидение, радио и печать – верные и боевые помощники Коммунистической партии Советского Союза. Собранные ценой больших усилий документы ЮНЕСКО, труды канадца М.Маклюена и десятков других зарубежных авторов помогли мне написать добротную диссертацию по проблемам развития массовой коммуникации в мире. Однако ее успешная защита (1979 г.) только усилила впечатление, что общественный спрос на серьезные исследования постоянно падает. Стагнация общественной жизни как системное заболевание социума не могла обойти социологию [6].

Хотя, замечу, инерция первых, стартовых усилий по изучению массовой коммуникации действовала непредсказуемо длительное время, вплоть до начала 80-х годов. Мои и моих коллег исследования в 70-е гг. стали широко известны за рубежом. Мы установили сотрудничество с Научным центром по изучению массовой коммуникации Венгерского радио и телевидения (Тамаш Сечке, Пал Тамаш, Ильдиго Ковач и их коллеги) [7], университетом Тампере (школа профессора Каарле Норденстренга) [8]. Однако мы не смогли обойти запреты на сравнительные международные исследования, на открытый и бескомпромиссный диалог с нашими зарубежными коллегами, вынужденно ограничились сотрудничеством семинарами и научными публикациями общего характера. Главный итог международного сотрудничества весьма характерен для тех лет, это – интенсивное развитие профессиональных связей и человеческих отношений, во многих случаях переросших в многолетнюю и прочную человеческую привязанность, которая сохранила свою силу и потенциал до настоящего времени.

Вхождение в миры общественного мнения: 1971–1984

Я вместе с тобой хоронил надежды на общественный интерес к исследованиям массовой коммуникации. Но, возвращаясь к событиям 35-летней давности, я не могу не спросить у тебя, ради истины, почему, держа, вместе со всей партией, курс на стагнацию, обком КПСС решил проводить опросы общественного мнения, да еще не по городской тематике, а по вопросам отношения населения к политике КПСС (на примере партсъездов тех лет)?

Я не могу исчерпывающим образом ответить на этот вопрос. Формальный ответ состоит в следующем. В 1969 г. ЦК КПСС принял постановление о состоянии и мерах улучшения партийно-политической информации. К выполнению этого постановления обком первоначально привлек группу социологов-преподавателей Ленинградской высшей партийной школы во главе с Андреем Здравомысловым, изучавших эффективность внутрипартийной работы. Но главное состояло в другом – обком решил создать собственный надежный канал для регулярного сбора информации о настроениях трудящихся с опорой на научные силы всего города.

Решение необычное, но об истинных мотивах его только могу догадываться. Отсюда неформальный ответ (гипотеза) состоит в другом. В силу разных причин к тому времени возросла информационная автономия органов государственной безопасности. Один мой знакомый, генерал КГБ рассказывал мне в ту пору, что его учреждение располагает банком данных, разносторонне характеризующих едва ли не все стороны жизни страны, в целом и по регионам. Иными словами, КГБ СССР знал

больше, чем ЦК КПСС. Часто от высших чинов КГБ зависело, что следует сообщать «наверх», в какой форме, с какими степенями подробности и т.д. Такую же селекцию данных производили местные партийные органы, направляя отчеты и сводки в отделы и секретариат ЦК КПСС. Автономизация информационных ресурсов становилась явлением общесоюзным. Едва ли не всякий руководящий орган хотел обладать информацией, доступа к которой не имели бы другие органы.

Дело это было совершенно новым в тогдашних условиях и не могло обойтись без экспертизы, консультаций, без зондажей общественных настроений. В начале 1970 г. исследование общественно-политической активности рабочих проводилось социологами ВПШ и ИКСИ АН СССР. Исследовательский потенциал социологии получил высокую оценку. Это ускорило процесс создания «специализированной системы по изучению общественного мнения работающего населения Ленинграда» на основе предварительной проработки и проектирования всех стадий сбора и анализа исходной (первичной) информации. Мне также удалось доказать «заказчику», что запуск такой системы в действие не может происходить без крупных натуральных экспериментов, которые бы раскрывали потенциал системы. Ну, а дальше, я нашел и позвал тебя, Борис Зусманович, и вместе с небольшой группой помощников (твоих и моих сослуживцев из ВПШ и ленинградских секторов ИКСИ АН СССР мы совершили «прыжок в «неизвестное» — провели по всем правилам опрос общественного мнения об отношении рабочих и служащих Ленинграда к решениям XXIV съезда КПСС. Нам, как ты помнишь, этого показалось мало и мы повторили опрос через два месяца с целью проверки устойчивости полученных данных.

В чем состоял расчет, если так можно выразиться? С научной точки зрения было важно не дать заглухнуть делу, начатому Борисом Грушиным [9]. К тому времени я твердо усвоил, что если не удастся сделать что-то здесь и сейчас, надо продолжать в другом месте и в другое время. Небольшой коллектив сектора общественного мнения и массовой коммуникации ИСЭП АН СССР, куда, кроме тебя и меня, входили К. Муздыбаев, В. Сафронов, Н. Нечаева, О. Бурмыкина, В. Лосенков, М. Елизарова, Г. Булычева, работал увлеченно.

Мы с честью, скажу об этом без стеснения, преодолели свою часть дистанции. Была создана система для оперативных опросов общественного мнения различных слоев населения крупного города. Все, чем должна располагать такая система: надежные выборки, сеть интервьюеров, методики, математическое обеспечение обработки первичной информации на ЭВМ, все было содеяно и отвечало научным стандартам и критериям. Систему прокатали несколько раз (на примере изучения отношения населения к XXIV, XXV, XXVI съездам КПСС и других актуальных вопросов). Наш коллективный рекорд — разработка и апробация оперативного режима (экспресс-опрос 2000 человек с выдачей первичных результатов в течение суток от момента начала опроса). Общее число исследований, проведенных в рамках специализированной системы (1971–1984 гг.) составило 15. Тогдашние цензурные условия и правило, согласно которому вся деятельность партии не подлежала оглашению в открытой печати, не позволили опубликовать результаты опросов общественного мнения в интересах партии. Когда-нибудь будут сняты замки секретности с этой работы, и я расскажу о ней подробно [10].

Не мог бы ты вспомнить здесь о твоей встрече и беседе с Джорджем Гэллапом? Уверен, это будет интересно не только мне.

В 1977 г. я прошел стажировку при Институте Гэллапа в Принстоне. Сначала Гэллап отнесся ко мне сдержанно, наверное, это было реакцией на мой максимализм и настойчивость. Я изначально просил о разрешении провести одну рабочую неделю в стенах напряженно работающей организации и устроить мне встречи со всеми

ключевыми фигурами, включая Гэллапа, и его сыновей, активных помощников и продолжателей дела своего отца. Условились, что я приеду для предварительной беседы, а там – будет видно. Мы встретились с Гэллапом в назначенное время. Лицо открытое, глаза пронизательные, манера поведения располагающая к откровенности и прямоте диалога. После краткого моего представления Гэллап взял кусок мела, передал его мне и произнес: «Идите к доске, посмотрим, что и насколько глубоко вы знаете». Секретарше он сказал, что с мистером Фирсовым намерен говорить долго, поскольку тот претендует на 7 дней стажировки вместо разового ознакомительного визита. Мэтр спрашивал меня обо всем – понимании социальной роли феномена общественного мнения, методах его изучения, способах представления результатов исследований, этике взаимоотношений с респондентами и многом другом, включая мое собственное мнение о состоянии исследований в нашей стране.

В конце встречи он отвел 15 минут на мои вопросы и на объяснение в подробностях целей моего визита в Принстон. Я спросил его, в частности, об отношении сената и конгресса США к конкретным результатам опросов общественного мнения. Он сказал, что практически после каждого очередных выборов ему приходится заниматься социологическим ликбезом новых конгрессменов. Отправляясь на очередные слушания, после состоявшейся избирательной кампании, он знает, что один вопрос ему будет задан в обязательном порядке: «Где гарантия, доктор Гэллап, что мнение двух тысяч американцев, на которое вы ссылаетесь, представляет мнение основных слоев населения страны, а также населения в целом? Можно ли доверять вашим результатам?» Ответ на этот “коварный” вопрос он сформулировал около 40 лет назад и с той поры воспроизводил его без изменений: «Для того, чтобы оценить вкус приготовленного супа, вовсе не обязательно вычерпывать всю кастрюлю до дна. Достаточно хорошо перемешать суп и отведать одну ложку. Гарантии представительности сведений об общественном мнении – в высоком качестве выборки!» Политики всего мира похожи друг на друга. О том же позже меня часто спрашивали ленинградские партработники в периоды проведения опросов работающего населения Ленинграда по заданиям обкома КПСС.

Затем вошла секретарша и был оглашен вердикт: «Этому джентльмену из России следует показать все, что он хочет видеть, устроить деловые встречи со всеми сотрудниками, которые его интересуют. Под его честное слово (обещание не публиковать научные материалы, ввиду того, что они являются собственностью коммерческой организации) – снабдить образцами отчетов, методик, материалами, регламентирующими сбор информации об общественном мнении. Дать ему для чтения отчеты о наиболее типичных исследованиях, включая маркетинговые». Перед прощанием Дж.Гэллап сказал, что Россия как партнер его очень интересует. Он хотел бы создать филиал в Москве или Ленинграде. Сразу этого не сделать, но начинать надо, не откладывая дела в долгий ящик. Например, он готов провести на представительных выборах советско-американское исследование по любой теме, которую назовет советская сторона или я сам, как представитель академического учреждения. Правда, он догадывается, что у меня не может быть полномочий на переговоры по такому поводу. Я не должен стесняться сказать ему об этом. Вот, что значит деликатность и предупредительность в отношениях с человеком, который сейчас не является партнером, но может им стать! Расстались мы дружески, а я целую неделю ездил из Нью-Йорка в Принстон, изучая деятельность всех звеньев Американского института общественного мнения.

Помнишь, Игорь Кон спрашивал нас: «Борисы, что вы изучаете? Общественного мнения нет». С другой стороны, мне кажется, в конце 70-х существовал оптимизм

**относительно частичной востребованности результатов изучения общественного мнения.
Разделял ли ты этот оптимизм?**

Нет, не разделял. Я чувствовал неустойчивость общей ситуации в стране и понимал, что эта неустойчивость будет усиливаться. В 1975 г. нашей свободной научной жизни и работе в ленинградских секторах ИКСИ АН СССР пришел конец. Ленинградский обком партии, «встревоженный» быстрым ростом численности филиалов, отделений и секторов московских академических институтов социального профиля, решил объединить эти подразделения в рамках суперструктуры, получившей название Институт социально-экономических проблем АН СССР. Решение — роковое для развития социальных наук в нашем городе, для обширного класса научных направлений. Серьезные цели для «сливания» этих направлений в одну емкость отсутствовали. Обком искал средство для формального объединения нескольких сот научных сотрудников под одной крышей с директором-единоначальником, единой партийной организацией, единым отделом кадров, первым отделом, общими для всех часами прихода и ухода с работы и прочими чертами безрадостного советского научного быта. Мы не подпали под влияние части общих уравнилельных и безликих преобразований по одной причине. Наш сектор в момент создания ИСЭП АН СССР имел статус подразделения, занимающегося исследованиями в интересах областного комитета КПСС и эксплуатацией специализированной системы по изучению общественного мнения. С этим должны были считаться руководители вновь созданного института. Другое дело, насколько им нравилась или не нравилась наша «экстерриториальность».

Параноя засекречивания и борьбы с утечкой информации достигла пика к началу 80-х гг. Партийно-государственная система, с одной стороны, расширяла производство потоков социальной информации в своих интересах, зная наперед, что, став собственником этой информации, она засекретит ее и регламентирует доступ к ней не только «извне», но также «изнутри». В указанном смысле судьба наших социологических опросов была, что называется, незавидной. Их результаты были известны только первым лицам в областной партийной иерархии, редко — среднему звену и никогда — рядовым коммунистам, не говоря уже о населении города — субъекте и носителе общественного мнения. Эти результаты скрывались даже от работников ЦК КПСС, которым, вообще говоря, было известно, что в Ленинграде функционирует система изучения общественного мнения на базе использования новейших методов сбора и обработки информации. Дело доходило до курьезов. Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Ю. Андропов решил улучшить состояние советского здравоохранения. Для этого срочно потребовались данные о том, как оценивают медицинское обслуживание советские граждане. Один из референтов ЦК КПСС, позвонил мне и спросил, не располагаю ли я какими-то надежными сведениями на сей счет. Я ответил утвердительно, но сказал, что выслать нужные сведения не могу. Требуется официальный запрос из ЦК КПСС в обком КПСС.

Запрос состоялся, но референту пришлось сказать секретарю обкома, что «навел» его на нужный источник сведений Фирсов. Возник служебный скандал. «Дознавателей» в лице сотрудников общего отдела обкома интересовала не столько просьба из секретариата Андропова и способ ее скорейшего удовлетворения, сколько причины разглашения «тайны». «Возмутительный» случай, был должен Г. Романову — партийному руководителю Ленинграда в ранге члена Политбюро ЦК КПСС. «Хозяин» тоже возмутился и повелел информацию не передавать, впредь оберегая ее от возможной утечки. Шел декабрь 1983 г. ...

Ну, разве может быть история без конца? Конец наступил и очень скоро. Нас с тобой привлекли к разработке проекта информационной системы ЦК КПСС. Мы

отвечали за подсистему машинного (на базе ЭВМ) учета и анализа писем в ЦК КПСС от многих тысяч граждан, пытавшихся улучшить свою судьбу, решить свои наболевшие проблемы. Зная, что письма в ЦК и, особенно результаты их анализа будут бдительно охраняться общим отделом ЦК КПСС, мы заранее оговорили, что наш научный вклад будет состоять в разработке батареи методов машинного анализа текстов писем, включая инструкции по кодированию, вводу закодированной информации в ЭВМ. Для апробации методического инструментария мы предложили создать экспериментальный массив информации из писем в Ленинградский Обком КПСС. Но теперь, после случая с запросом из секретариата Андропова, бдительность обкома партии возросла на несколько порядков. Кто может гарантировать, что ЦК КПСС не использует методический эксперимент для оценки деятельности обкома КПСС и положения дел в Ленинграде и области? Средства «защиты» стократно превысили средства «нападения». Романов наложил вето на любые формы участия обкома КПСС в разработке информационной системы ЦК КПСС. Персонами нон-грата были объявлены все сотрудники сектора общественного мнения и массовой коммуникации ИСЭП АН СССР во главе со мною. В тот же день от нас отобрали пропуски в Смольный и изъяли из спецотдела Института все материалы, связанные с многолетним изучением общественного мнения в интересах обкома КПСС. Но рукописи не горят! Место их хранения известно.

Последующую цепочку событий невозможно забыть, и все же мне представляется крайне важным твой рассказ обо всем случившемся...

Тезис о непредсказуемости ситуации, как общего свойства жизни страны, не вышедшей из состояния застоя, имеет ко мне непосредственное отношение. В один день я перестал быть социологом и поневоле превратился в этносоциолога. В октябре 1984 г. бюро Ленинградского обкома КПСС объявило мне строгий выговор с занесением в учетную карточку (ловлю себя на том, что уже сейчас доброй половине населения России пришлось бы долго объяснять, что значат эти слова) и освободило от занимаемой должности. Расскажу обо всем эскизно. Социологам в ИСЭП'е было неуютно. Ну, разные мы были люди с политэкономами сталинского времени, по прихоти обкома партии поставленными во главе института. Разномыслие запрещалось, требовалось без колебаний поддерживать оскопленный экономический детерминизм и единственно правильное и непобедимое учение.

В нашей легкой фронде была усмотрена угроза единоначалию ортодоксальных экономистов. У них возникло подозрение, что социологи покушаются на их власть. Начались «битвы русских с кабардинцами». «Гонители» наступали, будучи не очень разборчивыми в средствах борьбы с несогласными, «гонимые», как водится, оборонялись, но по преимуществу словом. Нападать на сотрудников, к тому же работающих по заданию партийных органов, было опасно, не зная, кто «за ними стоит». Здесь можно было получить по носу. Тем временем запас недоброжелательства рос и к моменту, когда сектор был выведен из партийной зоны, дирекция уже не могла сдерживать свое недоброжелательство и перешла осенью 1984 г. в наступление. Я не знаю досье, которое было собрано на меня. О его действительном содержании могу догадываться по «профессиональным» вопросам, которые мне прокурорским тоном задавал на бюро обкома КПСС начальник местного управления КГБ генерал Носырев. Вот один из них, ключевой для генерала. Почему именно вас, Фирсов, печатают за границей, в Соединенных Штатах Америки и как Вы к этому относитесь? Речь шла о переводах моих статей, опубликованных в журнале «Социологические исследования», который автоматически реферировался в американской печати на основе специального соглашения с ИНИОН АН СССР, о чем генералу КГБ следовало знать по чину.

Придрались, иначе не скажешь, к тому, что я передал своему финскому коллеге

доклады сотрудников сектора на очередной совместный семинар. Их следовало размножить в Финляндии и выслать обратно в наш адрес. Доклады были стопроцентно просоветские, отжатые до сухого бессодержательного остатка. Более того, имелось разрешение Главлита (на мое имя) на вывоз и публикацию материалов за границей. Оно было предъявлено в момент, когда мой финский коллега уже прошел таможенный и пограничный контроль. В итоге меня обвинили по «расстрельной» статье. В проекте предлагалось за серьезные недостатки в научной деятельности, грубые нарушения установленного порядка работы со служебными документами исключить меня из рядов КПСС. Ограничились строгим выговором с занесением в ученую карточку, учитывая прошлые революционные заслуги. Правда, одновременно рекомендовали уволить 3 института.

Жизнь среди этнографов: 1984–1989

После всех этих бурных событий ты мягко приземлился в Институте этнографии и взялся за освоение архива кн. Тенишева. Как тебе удалось его найти? Кто-нибудь его когда-либо изучал?

Работу искать не пришлось. Директор ленинградской части Института этнографии АН СССР Рудольф Фердинандович Итс предложил мне должность ведущего научного сотрудника в группе общих проблем и дал целый год на освоение новой для меня дисциплины. Этнография наука спокойная. Пиетет к человеку, толерантность — ее родовые черты. Плюс высокая культура описания различных этносов, глубочайший интерес к особенному, индивидуальному. Плюс развитая этика научного труда. Ни одно из серьезных этнографических исследований не начинается с «чистого листа». Всякий автор, берясь за перо, начинает с того, что демонстрирует уважение к трудам своих предшественников и коллег, работающих в смежных областях. Заметна лингвистическая образованность, профессиональная историческая подготовка. Нельзя заниматься своим этносом, не зная языка, на котором говорят его представители.

Моим главным делом стало изучение материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (1843-1903), не успевшего осуществить главный замысел, ради которого он затеял грандиозное по тем временам этнографическое предприятие, — написать двухтомный труд под названием «Быт великорусских крестьян-землепашцев». Но это — окончательная формулировка темы моей научной работы. Первая формулировка была связана с легендой, согласно которой Тенишев на сломе двух веков обратился к представителям образованных и правящих классов России с предложением представить судьбу России, какой она будет через сто лет. Все та же легенда утверждала, что отвечали респонденты с величайшим старанием. Очень скоро я убедился, что в действительности все было не так. С высоты позиции, очищенной от догматической предубежденности, В.Н. Тенишева справедливо считать пытливым, заинтересованным исследователем повседневной жизни русского народа, стремившимся повысить полезность этнографического знания. Он оставил нам богатейшее культурное наследие — бесценный архив коллективной памяти о великорусских крестьянах. Ввести его в научный оборот — в этом состояла главная цель работы, — значило бы обогатить источниковую базу исследований культуры русского этноса. Эта цель была достигнута. В свет вышло тщательное описание материалов бюро (чего раньше не делали этнографы, хорошо знакомые с архивом Этнографического бюро) на примере дел одной губернии [11].

Этнографический дебют оказался удачным, но все-таки в ушах все время звучали социологические трубы.

Второй раз в ту же реку: 1989–1995

Я не герой перестройки, и тем более не прораб, как плеяда моих друзей шестидесятников. Я исполнил все ритуалы того времени – голосовал за Горбачева, пока не иссяк запас его интеллектуальной энергии и решительности, утром первого дня путча вышел из рядов КПСС, прошагав в ее рядах 39 лет, и естественно, без колебаний принял сторону Ельцина. Однако во мне созрело твердое убеждение: перейти на позиции принципиальной беспартийности и не открывать беспроцентного кредита ни одному из лидеров страны, чье правление придется на последнюю половину моей жизни. К тому же в момент, когда я получал последний, надеюсь, подзатыльник от местных властей осенью 1984 г., я сказал самому себе «Радуйся! Ты стал свободным от них».

Но тут наступил период общественной реабилитации и признания научных и человеческих заслуг В. Ядова. Он стал первым профессиональным социологом, допущенным к руководству головным социологическим институтом в системе Академии Наук СССР. В момент утверждения его в этой должности на заседании Президиума АН СССР, Г. Марчук, тогдашний Президент Академии, задал Ядову дежурный вопрос: согласен ли Ядов принять на себя эту нелегкую ношу и нет ли у него специфических пожеланий.

В советское время лица, утверждаемые на высокие посты, ждали этого вопроса. Это был момент, когда руководителей-небожителей можно было просить о чем-то необычном, разумеется, за счет казны. Ядов отказался от выпрашивания сверхлимитных благ по случаю восшествия на социологический трон страны. Я, сказал он, приму назначение только в одном случае, а именно, если будет создан филиал Института социологии АН СССР в Ленинграде, где в заточении в стенах ИСЭП АН СССР томятся несколько десятков профессиональных социологов. Марчук вздрогнул, а затем сказал, что идею надо поддержать. Создавать филиал пришлось мне. 1989–1990 гг. – единственные в истории советской социологии, когда эта наука оказалась востребованной. Обком дал безоговорочное согласие на создание нового института, согласился утвердить его директором-организатором «опального» Фирсова. Считанные недели заняла обычно многомесячная процедура сбора виз внутри отделов и управлений Президиума АН СССР. Я как-то сказал на одном из собраний Социологического института РАН – преемника филиала, что так ждут в семье ребенка, выстрадавшего прошлыми невзгодами. Жаль, поэтому, что и сейчас социология остается невостребованной не только государством, что можно считать патологической нормой, но и обществом.

Три причины повлияли на мое решение оставить пост директора филиала в начале января 1995. Это – драматическое падение уровня интереса государства к науке. Государство гарантировало лишь прозябание, будучи не в силах создать экономические, юридические стимулы для развития социального и гуманитарного знания. Вторая причина – самодостаточность части профессиональной среды. Третья причина – появление негосударственных (в любом случае не частных) форм научной и образовательной деятельности.

ЕУСПб – еще одно живое дело (начиная с января 1992 г.)

Я помню, как ты начинал прорабатывать концепцию Европейского Университета. Страшно было начинать это новое дело?

Затруднюсь вспомнить автора, который сказал, что все человечество можно поделить на три части. Первая часть, самая малая, это – изобретатели огня.

В любой науке, в социологии, к примеру, в частности, их единицы. Вторая часть — люди, открывающие разные способы применения огня. Их больше, чем первых, но и не большинство. К большинству относится третья часть — те, кто греются теплом от огня, изобретенного и добытого другими. В конце января 1992 г. мэр Санкт-Петербурга А.Собчак предложил мне возглавить организационный комитет по созданию негосударственного образовательного учреждения, вскоре нареченного его основателями Европейским университетом в Санкт-Петербурге, — именем, закрепленным в конце 2004 г. актом государственной аттестации.

Я принял это предложение, тем более, что оно совпало с моим тогдашним настроением перейти из третьей во вторую лигу «игроков с огнем». Дюжина лет, отданных служению идее ЕУСПб (ректор-организатор, ректор в течение двух сроков, с 1997 по 2003 гг.), международная и российская репутация этого единственного в стране аспирантского колледжа в области социальных и гуманитарных наук, дают мне право рассматривать эти годы самым счастливым и результативным периодом моей профессиональной деятельности. Был реализован проект, авторов которого первоначально считали городскими сумасшедшими, настолько нереальными казался замысел и его подробности. Победило разномыслие, а вместе с ним и готовность рисковать во имя идеи и искать нетривиальные выходы из, казалось, непроходимых ситуаций. Победили новые принципы творчества и интеллектуального труда, которые стали возможны в пост-советской России и никогда ранее в советское время. Извини за высокий слог, но речь идет о праве предлагать общественно-полезную идею и брать на себя полноту ответственности за ее воплощение в жизнь. Достигнув успеха на этих основаниях, ты испытываешь особое мироощущение человека, способного брать верх над обстоятельствами. Страх перед новизной и необычностью дела я не испытывал. Волновался, но это чувство сопровождает меня всегда.

Не считаешь ли ты важным назвать структуры или акторов, помогавших и помогающих Университету?

Скажу еще о новых субъектах и их роли в создании и судьбе ЕУСПб. Учредители (КУГИ Администрации Санкт-Петербурга, Социологический институт РАН, Петербургский экономико-математический институт РАН, СПб союз ученых) взяли на себя «родительские обязанности» на «всю оставшуюся жизнь». От них в родословной ЕУСПб обозначилось право на поддержку со стороны Правительства и Законодательного собрания ЕУСПб. Без этого, сознаюсь, было бы трудно выйти «в свет», «выбиться в люди». Оба выражения здесь будут уместными. Члены Попечительского совета выступили в трех одинаково важных и бескорыстных ролях. Одна из них — поручительство своим именем за академическую репутацию университета. Суть второй роли — экспертиза стратегии развития университета. Третья роль — поддержка словом и делом повседневной деятельности университета. При взгляде «снизу вверх» Попечительский совет — инстанция моральной ответственности ректората и подразделений ЕУСПб за качество жизни в российском и международном образовательном и научном сообществе. Три главных спонсора (число, их на самом деле, гораздо больше) — фонд Форда, фонд Макартуров, Международная программа поддержки высшего образования (Институт открытого общества, фонд Сороса) помогли создать условия для обучения талантливой научной молодежи из Санкт-Петербурга и других регионов страны, соответствующие самым высоким международным стандартам.

Имею честь и обязанность заявить, что беспрецедентную по своим масштабам и многолетнюю помощь спонсоров отличало и отличает полное отсутствие «аннексий и контрибуций», что в переводе с ранне-большевистского языка на современный, означает выполнение добровольно принятых спонсорских обязательств без каких бы то

ни было предварительных условий идеологического или политического характера. Чем больше выветривается альтруизм из нашего национального менталитета, тем сильнее растет подозрительность, что альтруизм отсутствует у других наций. Как гражданин России я выражаю сожаление, что вклад международных благотворительных фондов в поддержку российского образования и российской науки не встретил душевного отклика у властей моей страны и остался неотмеченным. Ни извиняться, ни благодарить мы по-прежнему не умеем.

В поисках самого себя

Решение оставить ректорский пост я принял без колебаний еще в период выборов на второй срок (весна 2000 г.). Официально заявил об этом год спустя, попросив Попечительский и ученый советы озаботиться поиском преемника. Альтернативных кандидатов не появилось — слишком большими достоинствами обладал номинированный мною и поддержанный университетским электоратом Николай Вахтин, сын и единомышленник Бориса Вахтина, проработавший со мной все эти годы в качестве заместителя председателя организационного комитета, а затем — первого проректора ЕУСПб. Январь—апрель 2003 года я провел в стенах Института Кеннана (Вашингтон, США) в качестве стажера-исследователя высокого уровня, что дало мне возможность отключиться от многосложных ректорских обязанностей и заняться поиском —разведкой темы научных исследований на перспективу. Скрытый мотив моего отъезда в США — сознательное намерение оставить Н. Вахтина одного на капитанском мостике во время зимне-весенней навигации 2003 года.

Все годы ректорства я старался быть «играющим тренером» и поддерживать научную форму. В какой-то степени это удалось. Я написал книгу по истории советской социологии [12] и опубликовал около четырех десятков статей о том, что меня волновало и интересовало как социолога: историческая динамика советской и пост-советской культуры, судьбы научных элит и интеллектуалов в современном российском обществе, связи истории и социологии, проблемы развития науки и высшего образования и др. Чувствуя, что могу сделать гораздо больше, я все же не смог преодолеть гравитацию ректорского поста. Административная деятельность всегда оставалась на первом месте, научная — на втором, преподавательская — на последнем, да и в минимальных дозах. Ответ на вопрос о том, чем и во имя чего следует жертвовать, скорее всего, этический и личный. Мое решение состояло в том, чтобы наступить на горло собственной научной песне и, находясь на ректорском посту, при прочих равных условиях всегда отдавать предпочтение общеуниверситетским интересам. Удалось мне это сделать или нет — пусть судят университетские коллеги. Мое внутреннее ощущение состоит в том, что университет был для меня эти годы Большой Целью, и никогда не был средством.

..и теперь что...?

Из Вашингтона я вернулся с двумя приобретениями. Одно из них — модель жизни в послеректорский период. Она опирается на идею самофинансирования научной деятельности, чему весьма активно и с высоким КПД учили и учат слушателей университета. Конечно, можно было внести на заседание ученого совета проект «Закона о Первом ректоре Европейского университета в Санкт-Петербурге». Прецеденты имеются. Не скрою, что мои коллеги спрашивали меня, чего бы я хотел. Я ответил, что предпочитаю уйти от всяких административных дел и тем более от попыток продолжать хотя бы в самой малой степени вмешиваться в руководство и управление университетом. Я хочу заниматься наукой и прошу предоставить мне рабочее место в стенах университета. Что касается денег, то я буду сам добывать их для себя, участвуя в международных и российских научных конкурсах и, опираясь на статус, которым

наделил меня университет. Так стал главным научным сотрудником ЕУСПб и получил два гранта на поддержку своих инициативных научных проектов.

Меня интересует выбор тобою тем для этих грантов. Они – продолжение коммуникационных исследований, этнографических поисков, наблюдений последних лет за тем, что происходит в стране...? Почему именно эти темы?

Грант фонда Макатуров – на индивидуальный проект «Ментальные миры современного российского населения». Могу повторить [13], что фатальная власть ментальности над нами непрерывно растет. В расплывчатости определений ментальности и ускользании форм ее бытия заключены определенные преимущества, например, возможность ухватывать в анализе “нечто”, что не попадает в фокус других наук. Именно такой способ познания выбрал М. Вебер, угадывая и открывая “нечто непознанное, но существующее” (дух капиталистической предприимчивости) в проявлениях «очевидного» (протестантская этика). Мне интересно проложить путь к открытию тайн ментальности.

Фонд Форда поддержал еще один мой проект «Разномыслие в России 1953–1991 гг.: идеи, носители идей, роль культуры, искусства и науки». Тема этого проекта – социальная история разрушения монолита советской системы. Бесспорно, что эта история будет многократно переписываться, ввиду постоянного открытия новых фактов и документов. Но все же я вижу особую пользу в том, чтобы она была предложена теми, чья сознательная жизнь и деятельность пришлась на советское время.

Результаты исследования я намерен изложить в книге, сложив их с личными впечатлениями о событиях прожитой жизни. Про часть событий я смогу сказать лишь то, что я их формальный свидетель и современник. Линия судьбы такова, что они не стали источником и причиной моих глубинных переживаний в моменты и периоды их свершения. Рефлексия во многих других случаях наступит позднее, в более зрелую пору жизни, когда придется с головой погружаться в волны исторических перемен, определять, а то и переопределять свое отношение к тому, что происходило в твоей же собственной стране. Человеческий, профессиональный, да и гражданский долг станут главными причинами напряжения памяти, мобилизации творческих сил и настройки моего сознания на волну анализа разномыслия, включая мое собственное в тех случаях, когда оно возникало. Я постараюсь не столько оглядываться на былое время, сколько понять его в необходимых деталях в назидание самому себе и для пользы вечной молодых граждан новой России, воспринимающих советскую эпоху понаслышке.

Примечания:

1. Распятые. Писатели жертвы политических репрессий. Вып. 6. Слово, взятое в цепи / Автор-составитель З. Дичаров. – СПб.: Издательство Русско-Балтийский информационный центр, БЛИЦ, 2000. С. 17–18.
2. Прасолов Р.С., Серобабин А.И., Фирсов Б.М. Телевидение и обучение. М.: Искусство, 1972.
3. Профессор Хильде Химмельвейт (Hilde Himmelweit, 1918–1989), известна своими работами в области социальной психологии. Ее книга *Television and the Child* (1958) получила широкое признание в Европе и Америке.
4. Фирсов Б.М. О некоторых направлениях в деятельности Британской радиовещательной корпорации – М.: Изд-во Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР, 1968; Методы изучения аудитории английского радио и телевидения / Сост. Б.М. Фирсов. – Информационный бюллетень Советской

социологической ассоциации N 41. М.: Изд-во ССА, 1969.

5. Результаты изучения ленинградской телеаудитории опубликованы в: Фирсов Б.М. Массовая коммуникация // Журналист. 1967. № 2. С. 50–52; Фирсов Б.М. Среднего зрителя нет // Журналист. 1967. № 12. С. 42 – 45; Фирсов Б.М. Ваше мнение о телевидении. М.: Изд-во Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР, 1968; Фирсов Б.М. Телевидение глазами социолога. М.: Искусство, 1972.

6. Материалы, собранные в ЮНЕСКО, были частично рассмотрены в книге: Фирсов Б.М. «Пути развития средств массовой коммуникации». – Л.: Наука, 1977 и использованы в докторской диссертации: Фирсов Б.М. «Массовая коммуникация в условиях различных социальных систем». Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук (специальность 09.00.09 – Прикладная социология). Ленинград. 1979.

7. Массовая коммуникация в социалистическом обществе / Под ред. А.В. Дмитриева, Н.С. Мансурова, Т. Сечке, П. Тамаша, Б.М. Фирсова. – Л.: Наука, 1979; A to megkommunikacio a szocialista tarsalalom eleteben / Szerkesztette A.V. Dmitrijev, B.M. Firsov, N. Manszurov, Szecske Tamas, Tamas Pal. – Budapest: Akademikai Kiado, 1980; Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Материалы 2-го советско-венгерского симпозиума, Ленинград, 17–23 сентября 1977 г. / Отв.ред. Т. Сечке и Б.М. Фирсов. – Будапешт – Л.: Изд-во Научного центра Венгерского радио и телевидения, 1979; Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Материалы 3-го советско-венгерского симпозиума, Будапешт, 18–22 сентября 1979 г./ Отв. ред. Т. Сечке и Б.М. Фирсов. – Будапешт – Л.: Изд-во Научного центра Венгерского радио и телевидения, 1980; Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Материалы 4-го советско-венгерского симпозиума, Ленинград, 2–6 июня 1980 г. / Отв. ред Б.М.Фирсов и Т.Сечке. – Л. – Будапешт: Наука, 1981; Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Материалы 5-го советско-венгерского симпозиума, Будапешт, 21–27 сентября 1982 г. / Отв.ред. Т. Сечке и Б.М. Фирсов. – Будапешт – Л.: Изд-во Научного центра Венгерского радио и телевидения, 1983.

8. Social Role of Mass Communication. Report of the Second Finnish–Soviet Seminar. Tampere : University of Tampere, 1982; City – Way of Life – Mass Communication. Report of the Third Soviet – Finnish Seminar. Tampere: University of Tampere, 1984.

9. Докторов Б. [Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения](#) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.

10. Алексеев Б.К., Докторов Б.З., Фирсов Б.М. Общественное мнение и социальное управление // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 23–32; Они же. Изучение общественного мнения: вопросы организации исследований // Социологические исследования. 1981. № 1. С. 78– 85.

11. Быт великорусских крестьян-землепашцев (по материалам Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева) / Сост. и авт. вступительной статьи, описания материалов Владимирской губернии и научно-справочного аппарата Б.М. Фирсов и И.Г. Киселева. – СПб.: Изд-во Европейского дома, 1994.

12. Фирсов Б.М.. История советской социологии 1950 – 1980-х годов. Курс лекций. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001.

13. Фирсов Б.М. Ментальные миры современного российского населения // Телескоп. 2003. № 4. С. 4–9; 2004. № 5. С. 2–8.